

СИРИУС-ПЯТЬ

ФИЛИП К. ДИК

ЦЕЛИТЕЛЬ
ГАЛАКТИКИ

**PHILIP
K. DICK**

Филип Киндред Дик
Целитель Галактики
Серия «Филип К. Дик.
Электрические сны»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66765418
Целитель Галактики: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-161981-7

Аннотация

2046 год. Джо Фернрайт, безработный реставратор изящной керамики в мире бездушного пластика, доведен до отчаяния. Он даже готов согласиться на предложение, которое поступило от могущественного инопланетного существа – Глиммунга. Таланты Джо нужны группе профессионалов, нанятых Глиммунгом для поднятия с морского дна и восстановления древнего храма на одной далекой планете...

Смесь фэнтези, научной фантастики, философии, мифологии и черного юмора, которая могла родиться только в воображении Филипа Дика.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Глава 3	52
Глава 4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Филип Дик

Целитель Галактики

Philip K. Dick
Galactic Pot-Healer

Copyright © 1969, Philip K. Dick

Copyright renewed © 1997, Laura Coelho, Christopher Dick
and Isolde Hackett

© А. Жаворонков, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Синтии Голдстоун посвящается

*Да и боялся я, признаюсь, я боялся,
Но и гордынею своею наслаждался
От понимания того,
Что гостеприимства моего
Снискать пытался гость неожиданный,
Явясь ко мне с земли келейной, окаянной.*

Д. Г. Лоуренс «Змея»

Глава 1

Отец Джо тоже был целителем и тоже врачевал глиняные горшки. В общем-то, оба они врачевали не только горшки, но и абсолютно любую керамику, что чудом сохранилась с тех древних, довоенных времен, когда из пластмассы изготавливалось далеко ещё не всё и вся.

Вообще же, любой керамический сосуд уникален, и каждый исцелённый Джо сосуд глубоко западал ему в душу, навсегда запоминался своими формой, текстурой, тончайшими особенностями в рисунке и даже трещинками на глазурованном покрытии.

Но очевидно, времена бесповоротно изменились, и поскольку на планете сохранилось совсем немного бесценных изделий из керамики и все те из них, что требовали излечения, были уже излечены, а счастливые обладатели уцелевших экземпляров берегли свои сокровища пуще зеницы ока, то и выходило так, что нужда в услугах Джо теперь практически отпала.

«Я – лучший целитель керамики на всей Земле, – в который раз убеждал он сам себя. – Я – Джо Фернрайт, и подобных мне нигде не сыщешь».

В его мастерской грудями пылились разнокалиберные пустые жестянки, в коих и надлежало возвращать клиентам излеченные сосуды, вот только верстак был пуст, поскольку за-

казов не поступало уже семь месяцев кряду.

Месяцы вынужденного безделья – уйма времени для размышлений. Джо то прикидывал, а не бросить ли ему всё и не заняться ли чем-нибудь другим (какой вообще угодно работой), лишь бы отказаться от полагающегося ему как ветерану Войны унизительного пособия. А то когда в голову вдруг закрадывались сомнения относительно качества своих работ, ему неизбежно представлялось, что именно по этой-то причине клиенты сторонятся его и обращаются к другим целителям. Как-то раз у него даже мелькнула мысль о самоубийстве. Затем вдруг захотелось совершить по-настоящему тяжкое преступление. К примеру, прилюдно прикончить какую-нибудь шишку из Всепланетного Мирного Международного Сената. Да только какой в том будет толк? И вообще, его жизнь, как ни крути, всё же пока не абсолютно ничёмна. Ведь осталась же в ней ещё, по крайней мере, одна отрада. Ведь есть же в его жизни Игра.

* * *

Зажав в руке коробку с обедом, Джо Фернрайт стоял на плоской крыше многоквартирного жилища, во чреве которого уютился весь последний год. Кожу щипал пронзительно-холодный утренний ветер, и Джо невольно ёжился. Вот-вот должен был появиться маршрутный дирижаблеобус. Только он, вполне возможно, окажется уже битком набитым и тогда,

не останавливаясь, протарахтит мимо, и опять придётся Джо плестись на работу пешком.

Пешие прогулки уже вошли у Джо в привычку. Оно и понятно, ведь правительство давным-давно махнуло рукой на проблемы общественного транспорта (как, впрочем, и на все остальные проблемы общества).

– Чёрт бы их всех побрал, – проворчал себе под нос Джо. – Или, точнее, чёрт бы всех нас побрал!

В конце концов, он и сам винтик всепланетарной партийной машины, норовящей подчинить себе всех и каждого, а если с кем такое не получается, то изничтожить неудобного, да ещё и сделать это так, чтоб даже доброй памяти о нём не осталось.

– С меня довольно, – пробурчал мужчина рядом с Джо. На гладко выбритых, источающих запах дешёвого парфюма щеках мужчины заходили желваки. – Я так спущусь на землю да и двину на своих двоих. А всем здесь остающимся – продуктивного времяпрепровождения.

Мужчина протиснулся сквозь толпу ожидающих, и толпа за его спиной тут же сомкнулась.

«Тоже, пожалуй, пойду», – решил для себя Джо и направился к жёлобу.

За ним последовали несколько разуверившихся в том, что, по крайней мере, сегодня их на место работы доставит средство общественного транспорта.

Оказавшись на улице, Джо ступил на весь в колдобинах и трещинах, давно требующий ремонта тротуар, глубоко вздохнул и, не торопясь, зашагал на север.

Бесшумно спланировав, над его головой почти немедленно завис патрульный крейсер.

– Эй, увалень, чего плетёшься? – ухмыляясь, прорычал сверху громила в тёмно-коричневой униформе и направил на Джо дуло лазерного пистолета. – Давай пошевеливайся, а не то возьму тебя на заметку.

– Не надо, офицер, не надо! – взмолился Джо. – Уже прибавляю шаг! Клянусь Богом, только-только вышел из дома и ещё просто не разогнался.

И Джо зашагал бойчее, старательно принаравливаясь к темпу проворно снующих вокруг пешеходов. А те, похоже, как и он сам, вполне довольствовались от жизни малым – тем, что у них была работа (или на худой конец хотя бы подобие таковой), и тем, что им в этот промозглый четверг в начале апреля две тысячи сорок шестого года в городе Кливленде, в Североамериканской Республике Граждан-Коммунаров, всё-таки было куда спешить.

Его так называемая мастерская являла собой лишь жалкую каморку-модуль, куда с трудом вмещались верстак, инструменты, груды пустых металлических футляров, приземистый столик да обитое кожей старинное кресло-качалка, принадлежавшее когда-то деду Джо, затем его отцу, а теперь и ему самому. Он просиживал в кресле день за днём, за месяцем месяц. Ещё здесь была одна-единственная белоснежная, украшенная снизу бледно-голубой глазурью, приземистая, широкая ваза из бисквитного фарфора¹. Много лет назад Джо случайно наткнулся на неё – и сразу распознал работу японского мастера семнадцатого века. Джо очень дорожил ею и умудрился каким-то чудом сохранить, несмотря на все выпавшие на его долю невзгоды и несмотря даже на Войну.

Джо привычно забрался в кресло, и оно немедленно чуть подалось под ним там и тут, словно приспособливаясь к фигуре старого знакомого. Казалось, будто кресло так же привыкло к хозяину, как и он к нему, и даже знает все секреты его личной жизни.

¹ Бисквитный фарфор – подвергнутое особому бисквитному обжигу керамическое изделие; поверхность такого фарфора очень белая, матовая и слегка шероховатая, что придаёт ему значительное сходство с высококачественным мрамором. (Здесь и далее прим. пер.)

Джо потянулся было к кнопке почтового ящика, да так и застыл в нерешительности. А что, если будет так же, как то и случилось все семь последних месяцев подряд? Что, если заказов опять нет? Что, если из патрубка, спускающегося от ящика прямо к поверхности стола, не выпадет, как обычно, ничего путного? Хотя на этот раз, может статься, будет иначе. Ведь ожидание заказа во многом сродни ожиданию дождя в засуху: чем дольше ждёшь, тем с большей вероятностью именно сегодня обретёшь желаемое. И Джо решительно нажал на кнопку.

На стол скользнули три счёта.

А вместе с ними выпал и привычный грязно-серый пакетик с сегодняшним госпособием. Каждый день, получив такой вот серый пакетик с деньгами, Джо стремглав мчался в ближайший супер-пупер-обменно-маркет и проворачивал там свой немудрёный суетливый бизнес – обменивал свежестопечатанные аляповатые купюры, пока те хоть чего-то стоили, на еду, журналы, лекарства, новую рубашку (всё равно на что, лишь бы товар имел хоть какую-то ценность). Так поступали все поголовно, ведь хранить государственные деньги не имело ни малейшего смысла, поскольку они обычно всего за два дня теряли по меньшей мере процентов семьдесят своей первоначальной покупательной способности.

Мужчина в соседней каморке зычно гаркнул нечто рутинное, и сквозь хлипкие стенки оно разнеслось чуть ли не по всему зданию:

– Да славится в веках наш Президент!

– Да славится! – машинально возопил Джо.

Один за другим вторить ему принялись голоса и из соседних модулей, а Джо неожиданно задумался, сколько всего в этом здании таких же, как его, каморок. Ведь тянутся же они одна за другой, одна за другой... И так – уровень за уровнем. Так сколько же здесь рассчитанных на одного работника модулей? Тысяча? Две тысячи? Две с половиной? А может, больше?

«Попробую-ка я их посчитать, – решил для себя Джо. – Вот посчитаю и выясню, сколько же людей ежедневно здесь обретается. Хотя на точный результат надеяться, конечно, не приходится, поскольку есть недавно умершие и есть ещё такие, кто заболел и на работу сегодня не явился. Да чего там, всё равно отменное занятие мне выдаётся сегодня. Но только для начала выкурю-ка я сигаретку».

Джо достал пачку табачных сигарет, естественно, строго запрещённых из-за их наркотической природы и вреда, наносимого здоровью граждан. И уже было прикурил, как на глаза ему вдруг попался дымоуловитель на противоположной от него стене.

«Одна затяжка, и десять кредиток долой», – напомнил он себе и поспешно сунул пачку обратно в карман. Затем яростно потёр лоб, пытаясь разобраться в самом себе, определить, что за жажда поселилась глубоко внутри его и что же всё-таки подстрекает его вот уже не в первый раз преступить за-

кон. Мысли Джо топтались на месте, спотыкались, словно заезженная пластинка.

«Чего же мне на самом деле так не хватает? Что я всё-таки пытаюсь заместить жалким суррогатом – табачным дымом? Это должно быть что-то громадное», – подумалось Джо, и в нём проснулся вдруг непомерный голод доисторического человека; возникла готовность всё вокруг пожрать; вспыхнуло жгучее желание запихнуть внутрь себя всю пустоту, всю никчёмность окружающего мира.

И стало очевидно, что именно эти дремлющие внутри желание и голод и подталкивают Джо к как будто лично для него созданной Игре.

Джо нажал на красную кнопку и поднял трубку. Медлительные, скрипучие механизмы неторопливо соединили терминал на его столе с внешним миром, и из динамика в конце концов донеслось пронзительное «Пи-и-и», а экран крошечного монитора пошёл полосами, волнистыми линиями и разноцветными пятнами-кляксами.

Джо по памяти набрал номер. Двенадцать цифр, первые три из которых соединяли его с Москвой.

Ждать теперь пришлось совсем недолго, и вскоре на миниатюрном экране возникло лицо русского офицера-телефониста.

– Вам звонят из ставки вице-комиссара Сэкстона Гордона, – с самым серьёзным видом сообщил телефонисту Джо.
– Что, изголодались, поди, уже по Игре? – с усмешкой по-

интересовался тот.

– Человекообразному двуногому для поддержания должного обмена веществ довольствоваться следует не только муклой из планктона, – в тон ему ответил Джо.

Ещё шире ухмыльнувшись, офицер переключил канал связи. Почти весь экран заняла снулая физиономия мелкого российского чиновника Лопухина. Немедленно узнав Джо, Лопухин просиял и, намеренно растягивая слова, заголосил по-русски:

– О, преславный витязь! О, достойный коновод толпы безмозглой, преступная...

– Compliments поберегите на потом, – прервал его Джо, на которого вдруг накатило обычное его утреннее состояние – раздражение.

– Про-сти-те, – поспешно, но, опять же, всё ещё по-русски извинился Лопухин.

– У вас для меня что-нибудь есть? – поинтересовался Джо, держа на всякий случай наготове ручку.

– Компьютер-переводчик в Токио всё утро глючил, – уже перейдя на английский, сообщил Лопухин. – Оттого-то я и воспользовался крошкой в Кобе, и, как это ни удивительно, тамошний переводчик на поверку оказался ничуть не менее достойным, чем токийский. – Он замолчал и, слегка отодвинувшись от экрана, принялся (очевидно, уже не в первый раз) вчитываться в слова на листке перед собой. Его модуль-кабинет, открывшийся сейчас взору почти пол-

ностью, до отвращения напоминал кубик-мастерскую Джо – был таким же крошечным, неказистым, убогим; и даже стол и пластиковый стул, несомненно, с трудом впихнутые туда, и знавшая лучшие времена клавиатура терминала выглядели почти такими же. – Вы готовы? – спросил наконец Лопухин.

– Разумеется, готов. – Джо, расписывая ручку, начертал на бумаге незатейливую закорючку.

Лопухин не спеша прочистил горло и изобразил на лице самодовольную улыбочку человека, полностью уверенного в своей победе.

– Оригинал – это название фильма, экранизации одноимённого романа. Оба – и фильм, и роман – были созданы на родном вам языке, – сообщил он именно то, что и требовали сначала сообщать правила, разработанные ими самими, кучкой людей, разбросанных по всему земному шару, ютящихся в тесных квартирках, занимающих ничтожные должности, ни к чему конкретно не стремящихся и ни о чём, в общем-то, не заботящихся; у каждого имелись свои личные причины для ненависти к окружающему их безликому коллективному бытию, но всех их объединяло стремление хотя бы на время, пусть даже и с помощью Игры-иллюзии, всё же вырваться из его цепких, порядком уже опостылевших объятий.

– А фильм-то хоть известный? – не особо надеясь на успех, всё же попытал счастья Джо. – Или хотя бы книга?

– Вводной информации вам предоставлено больше, чем

необходимо, – отрезал Лопухин и, не теряя более времени, прочитал с бумажки: – «Самка трофейного омара».

– Может, трофейная самка омара? – в недоумении переспросил Джо.

– Нет, именно «самка трофейного омара».

– «Трофейный омар», «трофейный омар»... – принялся вслух размышлять Джо. – Омар – это такое членистоногое, он же морской рак. Ладно, пока отложим. – Он рассеянно почесал пером лоб. – Что же такое «трофейная»? Может, «премиальная»? Переведено в Кобе? Тогда, скорее всего, «призовая». – Джо стремительно сделал пометку на листке. – О, вроде бы нащупал. «Приз» плюс «рак», получается «призрак»! Ну а «самка», она самка и есть, но здесь она, очевидно, зовётся «леди». Вот оно! – Он, торжествуя, подбросил над головой ручку. – «Леди-призрак»! Это вам и роман, и поставленный по нему фильм!²

– Десять баллов ваши. – Лопухин ухмыльнулся и, молниеносно произведя подсчёт, сообщил: – Теперь вы наравне с Хиршмейером из Берлина и слегка даже опережаете Смита из Нью-Йорка. Сыграем ещё разок?

– А у меня для вас тоже кое-что припасено.

– Отлично! – обрадовался Лопухин. – Итак, я внимаю.

² «Леди-призрак» (*англ.* Phantom Lady) – кинофильм режиссёра Роберта Сиодмака, вышедший на экраны в 1944 году, ныне считается одним из лучших фильмов жанра нуар. Фильм поставлен по одноимённому роману признанного автора детективных романов Корнелла Вулрича, издавшего его под псевдонимом Уильям Айриш. (*Прим. пер.*)

Джо поспешно достал из кармана сложенный листок и, разложив его на столе, про-читал:

– «Самка внутри боровика». Подсказка: речь идёт о названии книги, написанной на английском.

Он встретился с Лопухиным взглядом и ощутил разлившуюся по телу волну блаженного тепла. Тепло было вызвано только что одержанной победой – и предчувствием того, что этот русский потерпит ещё одно поражение. Разумеется, потерпит, ведь эта чепуховина, а именно так меж собой называли игроки свои шарады-задания, была составлена не абы как, а с помощью большого компьютера-переводчика из Токио.

– У вас тоже «самка». Но уж ваша-то «самка» точно не «леди». Что ж, поищем синоним. «Женщина»... «Дама»... Ага, понял! «Женщина в белом»! Записываю на свой счёт очередные десять баллов. – Он небрежным движением руки сделал пометку в блокноте на своём столе. – Давайте, коли у вас найдётся, следующую.

Джо, нахмурившись, приступил ко второй своей чепуховине:

– «Месячный валун». Опять же, название английской книги.

– Месяц – он же неполная луна, а валун – несомненно, камень. Вот и получается «Лунный камень». – Лопухин улыбнулся во все свои тридцать два. – Опять у вас Шестлуп.

– Шестлуп? – в недоумении переспросил Джо. – О чём это

вы?

– Кол-линз. Уилки Коллинз.

– С меня на сегодня довольно. – Джо обречённо вздохнул.

За коротенький промежуток времени он вдруг оказался измотан, и виной тому, несомненно, был русский, который в очередной раз, да к тому же ещё и без малейших видимых усилий, обставил его в Игре.

– Может, всё же ещё разок? – вкрадчиво предложил Лопухин. – У меня для вас имеется совсем несложная чепуховина.

– Ну, разве если только ещё одну чепуховину разгадаю, – слегка поколебавшись, всё же решился Джо.

– «Резня в неевропейской бывшей печати», – немедленно изрёк Лопухин. – Чепуховина и впрямь простенькая, поскольку она – название широко известной книги и даже нескольких снятых на её основе фильмов.

– Ничего себе, простенькая, – пролепетал полностью сбитый с толку Джо и принялся бормотать себе под нос: – «Резня»... «Бойня», «геноцид», «массовые убийства». Неевропейская – значит, азиатская... Ещё может быть восточная. Но что такое «бывшая печать»? – Джо старался вовсю, но в голову ему ничего путного не шло. – «Экс-штемпель». «Экс-газета». – С минуту он молча медитировал, но затем всё же признался: – Что-то совсем не клеится. Сдаюсь...

– Так быстро? – Лопухин делано приподнял брови.

– Ну, не до конца же дня мне сидеть с одной-единственной

чепуховиной. Да и вообще, играть впредь я больше не желаю.
– «Пресса»! – воскликнул Лопухин.

Джо застонал.

Конечно же, «пресса». И в итоге «Убийство в “Восточном экс-прессе”» получается!

– Играть больше и в самом деле не желаете? – вполне искренне заговорил Лопухин. – И лишь из-за того, что разочек продули? Что с вами, Фернрайт? Устали от Игры? Но неужели вы полагаете, что, отказавшись от общения с нами, игроками, вы хоть что-нибудь приобретёте? Неужели действительно думаете, что бесцельное час за часом, день за днём сидение в одиночестве в своей конторе вас вконец не доконает?

Похоже было, что даже не окончательное, а тем паче вообще ещё не бесповоротное намерение одного игрока, пусть и одного из лучших, оставить Игру порядком расстроило Лопухина.

– Да не принимайте вы мои слова слишком уж близко к сердцу. Просто ответ на вашу чепуховину сам собою напрашивался, а я его проморгал, вот слегка и расстроился, – попытался спасти положение Джо, но, поняв сразу, что такое его объяснение московского партнера по Игре ни в чём не убедило, с неохотой продолжил: – Ладно, ладно, признаю: у меня, похоже, депрессия. Всё вокруг опостылело. Понимаете? Абсолютно всё! Ведь вы, несомненно, меня понимаете! – Джо умолк, и с минуту они оба молчали, и минута эта

едва не растянулась до размеров вечности. – Я разъединяюсь, – проговорил, наконец, Джо и потянулся к кнопке на терминале.

– Подождите, – поспешно заговорил Лопухин. – Ещё хотя бы разочек.

– Нет.

Джо прервал связь. На листке бумаги перед ним оставалось несколько не опробованных ещё ни на ком чепуховин, но взгляд Джо сам собой оказался устремлён в пустоту поверх них, а по извилинам его мозга, словно улитки по раскисшей от осенних дождей глине, поползли мысли.

«Заряд батарейки внутри меня, похоже, практически иссяк; нет больше мочи вести прежнюю никчёмную жизнь – жизнь, в которой никак не применить мои пусть и скромные, но всё же данные свыше таланты. А пыжиться, доказывая собственную незаурядность, тем паче какой смысл? А ведь именно этим мы по большому счёту и занимаемся в Игре.

А ещё мы стремимся убежать от одиночества, – размышлял далее Джо, – и посредством Игры вроде бы получаем столь нами желаемое общение. Но, глядя друг на друга, что же мы видим? Лишь зеркальные отражения самих себя; видим лишь собственные безжизненные, пустые до тошноты, измождённые лица да ощущаем на себе сочувственные, ни к кому конкретно не обращённые взгляды.

А ещё, похоже, где-то совсем рядом бродит смерть, – не унимались мрачные думы Джо. – И чем больше думаешь о

смерти, тем ближе она подбирается. Никто конкретно мне, разумеется, не угрожает, поскольку нет у меня ни врагов, ни противников, а есть лишь пустота вокруг, но я присутствие её, треклятой, нутром чувствую... Да и сам я непрерывно ветшаю, что позабытое на гвозде в сыром чулане тряпье, – ветшаю месяц за месяцем, за месяцем месяц. Вот уже обветшал даже до того, что и для Игры не гожусь, хоть и знаю, что нужен остальным участникам и что вовсе не будет лишним для них мой посильный в Игру вклад».

Голова Джо сама собой склонилась, и взгляд его приковали к себе им же самим ранее написанные на листке чепуховины. Джо словно оцепенел, но организм его, хоть и неохотно, хоть и не сразу, всё ж, неведомо откуда постепенно набравшись сил, вдруг точно воспрял ото сна и настоятельно призвал хозяина к действию, и тот поспешно принялся за составление новой чепуховины.

Набрав номер, он вышел через спутник на связь с Японией. Вызвал Токио и передал цифровой шифр местному компьютеру-переводчику. Сноровисто обойдя множество его многоуровневых систем защиты и бесцеремонно оттеснив затем в очереди многочисленных корпоративных, привилегированных и уж конечно же персональных пользователей, Джо напрямую подключился к огромному, гудящему, лязгающему массой несуразных составных частей, почти разумному сооружению-механизму.

– Перейти исключительно на оральное взаимодействие со

мною, – распорядился он.

Огромный Джи-Икс-9 послушно переключился со смешанного типа приёма-передачи информации лишь на звуковую.

– «Ор-фей спус-ка-ет-ся в ад», – по слогам выговорил Джо, предварительно включив запись на своём терминале-телефоне.

Компьютер, разумеется, даже и не пытаясь вникнуть во весь спектр значений предложенной ему фразы, практически мгновенно выдал её самый очевидный эквивалент на японском.

– Спасибо. Отключаюсь.

Джо повесил трубку. Затем без особого труда связался с гораздо менее загруженным в любое время суток компьютером-переводчиком в Вашингтоне. Воспроизвёл тому только что произведённую запись и немедленно услышал из трубки теперь уже перевод с японского на английский:

– Гам волшебниц погружается в пекло.

– Что там у тебя погружается? – со смешком спросил Джо. – Повтори, пожалуйста.

– Гам волшебниц погружается в пекло, – с подобающим ему по роду службы терпением монотонно повторил компьютер.

– А твой перевод точный? – поинтересовался Джо.

– Гам волшебниц погружа...

– Уже усвоил, – перебил его Джо. – Разъединяюсь.

Он повесил трубку и широко улыбнулся. Немудрёная забава наконец-то напрочь разогнала его мрачные думы.

Поколебавшись с минуту, он набрал номер старика Смита в Нью-Йорке.

– Управление закупок и снабжения, седьмой отдел на про-
воде, – раздался из динамика скрипучий голос Смита, а на сером экранчике возникло его худощавое лицо – ни дать, ни
взять морда неделями терзаемой несварением желудка гон-
чей. – А, это вы, Фернрайт? Никак, нарыли для меня что-то?

– Ну да, нарыл, – охотно согласился Джо. – Моя чепухо-
вина совсем простенькая. Гам волшебниц погру...

– Погодите-погодите, послушайте вначале мою, – немедля
перебил его Смит. – Моя, в отличие от вашей, – то, что на-
до! Вам её вовек не разгадать! Вот, послушайте, послушай-
те. – И он тут же зачастил, захлёбываясь слюной: – Это книга.
«Мигалки исполина» называется. Фамилия автора – Брысь-
ниже-всякой-критики³.

– С меня довольно! – вдруг вырвалось у Джо.

– Чего довольно? – Смит, подняв голову, недоумённо за-
моргал. – Вы же ещё даже не приступили к решению. А я
даю вам время. Как и предписано правилами, пять минут.
Понимаете? У вас ещё целых пять минут для размышлений.

– Я выхожу из Игры, – пояснил Джо.

– Выходите? Из Игры? Но вы же один из лучших! Вашему
же нынешнему рейтингу в Игре завидуют почти все и всяк!

³ Речь идёт о романе «Сирены Титана» Курта Воннегута. (Прим. пер.)

– Ну и пусть завидуют, а мне так надоело корчить из себя чёрт знает кого! – в сердцах вскричал Джо. – Мне так окончательно обрыдло, понимаете ли, постоянно прикидываться непревзойдённым интеллектуалом. Я, если хотите знать, для себя уже всё решил! Вот только закончу разговор с вами и сразу же переведу свой телефон лишь на исходящие звонки. И тогда поминай меня как звали! Прощай, Игра, прощай, профессия! – Прежде чем продолжить, он сделал глубокий, как перед прыжком в тёмную незнакомую воду, вдох. – Признаюсь, я скопил уже шестьдесят пять четвертаков. Настоящих, ещё довоенных четвертаков. Отказывал себе почти во всём целых два года.

– Вы скопили монеты? – поразился Смит. – Настоящие металлические монеты?

– Да, и у меня их дома под радиатором центрального отопления целый асбестовый мешочек, – проникновенно сообщил Джо. – По сегодняшнему курсу это... – Джо, сверившись с газетой, поспешно произвёл в блокноте вычисления, – без малого десять миллионов долларов в нынешних товарных талонах. – Джо, торжествуя, оглядел Смита. – А на улице, где я живу, на ближайшем перекрёстке, есть та самая будка.

Про себя Джо подумал: «Сегодня же попытаю счастья. И пусть говорят, что мистер Рекрутер всегда даёт ничтожно мало (или, иными словами, запрашивает за свои услуги непомерно много), но шестьдесят пять четвертаков – это всё-таки

шестьдесят пять четвертаков! Монет у меня уж точно предостаточно».

После гнетущей паузы медленно заговорил Смит:

– Желаю вам удачи. Может, за всю свою сумму вы заполучите с десяток, а то и с целую дюжину слов, и слова эти в итоге, весьма вероятно, сложатся в две-три никчёмные фразы. Типа: «Поезжайте, мол, в Бостон. Спросите там...» Затем мистер Рекрутер резко прикроет свою лавочку, а ваши четвертаки из приёмного контейнера со звоном покатятся по жёлобу вниз, а далее, как уверяют знающие люди, монеты эти, влекомые искусственно нагнетаемыми воздушными потоками, отправятся по лабиринту подземных труб прямым ходом к центральному мистеру Рекрутеру в Осло. – Смит провёл указательным пальцем по крыльям своего носа, как это обычно делает уставший от зубрёжки школьник, незаметно, в его понимании, избавляясь от сопли. – Завидую вам, мистер Фернрайт. Может, полученных вами двух-трёх фраз окажется вполне достаточно. Признаюсь, однажды я и сам обращался к помощи такого же автомата. Кинул в него почти полсотни четвертаков. И всё, что он мне выдал, было: «Поезжайте в Бостон. Спросите...» И знаете, бездушный механизм, несомненно, получил истинное удовольствие – и оттого, что заглотил мои монеты, и особенно оттого, что намеренно оборвал ключевую фразу на полуслове. Но вы всё же попробуйте, попробуйте. Вдруг что путное и выйдет.

– Конечно попробую. – Голос Джо, хоть и далось ему это

с немалым трудом, всё же прозвучал вполне твёрдо.

– Когда он переварит все ваши четвертаки... – продолжал Смит.

– Я вас уже понял, – попытался прервать его Джо.

– И никакие молитвы... – гнул своё Смит.

– Да понял я, понял, – заверил его Джо.

Минуты две они, глядя друг на друга, молчали, а затем Смит всё же закончил начатое:

– В общем, ничто на свете не заставит эту богом проклятую машину выплюнуть хотя бы ещё одно-единственное слово.

– Ясно.

Джо старался виду не показать, но слова Смита, разумеется, охладили его пыл. Мало того, душу его вдруг охватил ещё и леденящий страх.

«Теперь мне очевидно, в каком именно месте на всём белом свете открывается бездна адская, – подумалось вдруг ему. – А открывается она в точности там, где опущенные в мистера Рекрутера монетки проваливаются в никуда».

– Слушайте, а может, вы всё же напоследок разгадаете одну-единственную мою чепуховину? – скороговоркой предложил Смит. – Её выдал мне компьютерный переводчик в Намангане. Вот она, вот. – Он лихорадочно схватил длинными дрожащими пальцами сложенный лист бумаги. – «Воля, дикторша на племя». Картина тысяча восемьсот тридцатого года, франц...

Задачка была воистину элементарной, и Джо, не дожидаясь окончания, проговорил безжизненным тоном:

– «Свобода, ведущая народ».

– Да, Фернрайт, вы правы! Теперь можете визжать и топтать от восторга ногами. А как насчёт ещё одной? Погодите, погодите, только не вешайте трубку! У меня есть для вас действительно отменная чепуховина!

– Задайте её Хиршмайеру из Берлина, – посоветовал Джо и отключился.

Он опустил в своё ободранное древнее кресло и тотчас углядел, что на почтовом ящике горит красная сигнальная лампочка.

«Странно, – подумал Джо. – Сегодня до четверти второго никакой рассылки нет. Специальная доставка, что ли?»

Он нажал кнопку.

На стол выпал пакет. Действительно, спецдоставка.

Джо вскрыл конверт. Внутри была полоска бумаги.

Она гласила:

МАСТЕР, ТЫ МНЕ НУЖЕН. Я ЗАПЛАЧУ.

Ни подписи, ни обратного адреса.

«Боже мой, что-то наконец-то реальное и весомое. Почти наверняка – настоящее дело».

Джо осторожно развернул кресло так, чтобы в поле зрения постоянно находился индикатор на почтовом ящике, и приготовился ждать.

«Так и буду сидеть и ждать, пока наконец вновь не заго-

рится чёртова лампочка, – заверил он сам себя. – Лишь бы не умереть прежде с голоду. Хотя теперь я ни за что не уйду из жизни добровольно. Буду жить. Жить и ждать. Ждать, и ждать, и ждать».

И именно ожиданием он покорно и занялся.

Глава 2

Ничего нового почта за остаток дня, к разочарованию Джо Фернрайта, так и не принесла, и он привычной дорогой по-нуру добрался домой, а домом ему служила упрятанная глубоко под землю комнатуха-модуль в уродливом, вгрызающемся, как в самое небо, так и в самые недра планеты, многоквартирном жилище-муравейнике. Прежде компания «Радость труженика» из Большого Кливленда почти каждые полгода меняла трёхмерный анимированный пейзаж за «окном», и Джо, особо не напрягая воображение, засыпал и просыпался в доме, расположенном то на опушке рощи секвой, а то и на самой вершине огромного холма с видом на море, но дела его в последнее время пошли совсем уж из рук вон, и теперь ему пришлось волей-неволей привыкнуть к тому, что большую часть одной из стен его комнатёнки занимает вовсе не вид как бы наружу, а раздражающий глаз прямоугольник матово-чёрного стекла.

Можно было ещё, конечно, запустить вмонтированный в шкаф стандартный мозгодуй, и тогда бы не только пейзаж за «окном», а и вообще вся обстановка в комнате всегда бы в точности соответствовали текущему настроению, но Джо мозгодуюем никогда не пользовался, поскольку всеми фибрами души ненавидел любые наведённые на его разум иллюзии.

Джо взгромоздился на единственный в комнатёнке шаткий стул перед единственным здесь, выдавшем лучшие времена столом и с тоской оглядел окружающее его убожество. Когда-то его посещали богатые заказчики, приносили для излечения дорогие, изысканные вазы, и вазы Джо исправно исцелял. Ему же в итоге не досталось ни единого горшочка, который, быть может, скрасил бы унылый вид его жилища.

Размышляя о тщете собственной жизни, Джо привычно погрузился в безрадостные думы.

Прежде вполне себе денежную работёнку ему регулярно подкидывал Кливлендский Музей Шедевров Прошлого, и калильная игла Джо, как тому некогда и учил его отец, кропотливо, один за другим соединяя хрупкие черепки, вернула к жизни множество керамических сосудов, но теперь все до единого они оказались полностью восстановлены, и на заказы музея более рассчитывать не приходилось.

В поисках клиентов Джо давал малюсенькие, самые дешёвые объявления в каждый номер ежемесячного «Вестника Мастера Керамики», и объявления эти некогда неизменно приводили к нему заказчиков, но год от года заказчиков становилось всё меньше и меньше, и вот, в конце концов, их не стало вовсе, публикуй в журнале объявления хоть дешёвые, маленькие, неказистые, хоть дорогушие, красочные, на полстраницы.

Размышляя подобным образом, Джо совсем недавно придумался было даже и о калильной игле: «Если я приставлю

сей крошечный инструмент к груди прямо напротив сердца и надавлю на ручке кнопку, то с недоразумением, коим и является вся моя жизнь, будет наконец-то покончено меньше чем за секунду. А почему бы, собственно, и нет?»

Не найдя тогда однозначного ответа (а почему бы, собственно, и да?), Джо решил пока повременить с калильной иглой.

«Ну а сегодня? Быть может, как раз сегодня самое время для иглы?»

Но сегодня по почте пришла странная записка... А как её отправитель узнал о нём?

Джо поднял трубку телефона, набрал номер и через несколько секунд узрел на экране лицо своей бывшей жены Кэт – самоуверенной, чрезвычайно энергичной блондинки.

– Привет, – как можно дружелюбнее обратился к ней Джо.

– Где последний чек на алименты? – немедленно бросилась в атаку та.

– У меня тут наметилась весьма достойная работёнка, – доверительно сообщил ей Джо. – Уверен, что расплачусь со всеми долгами, как только это дело...

– Какое у тебя вообще может быть дело? – со злостью перебила его Кэт. – Или делом ты называешь очередную свою идиотскую выдумку? Маразм, порождённый твоими, с позволения сказать, мозгами?

– Записка... – подавленно выдавил Джо. – Сейчас прочту её тебе. Надеюсь, ты уж разберёшься, что в ней да как.

Даже более года спустя после развода Джо по-прежнему отдавал должное острому, пронизательному уму своей бывшей, хотя именно этот ум её во время совместной жизни (да, признаться, даже и сейчас) вызывал в нём порой неприязнь к ней, а случалось, и вовсе вспышки ненависти. Да и вообще, Джо отчётливо осознавал, что испытывать к бывшей тёплые чувства у него нет ни малейших оснований. Ещё бы, ведь на протяжении всех лет их брака она настойчиво изо дня в день внушала Джо, что тот ни на что не способен, поскольку, несмотря на все свои старания, ему не по силам главная функция истинного мужчины – приносить в дом деньги. Много денег. Она ежедневно внушала ему презрение к себе. Внушала, внушала, да так мал-помалу и внушила. А потом и бросила его.

Джо отчётливо осознавал, что бывшей супруги ему следует сторониться. Осознавать-то он это осознавал, но тем не менее частенько звонил ей. Спрашивал у неё совета. Набивался на встречу – и поделаться с собой ничего не мог.

Джо прочёл записку вслух.

– Похоже, ты по самые уши вляпался в криминал, – не раздумывая, заключила Кэт. – Хотя, знаешь, меня теперь мало волнуют твои проблемы. Разбирайся с ними сам. Или подключи ту, с кем-ты-там-сейчас-спишь. Ей лет, поди, восемнадцать? И ни мозгов у неё, ни опыта зрелой женщины не наблюдается?.. Ну, так она тебе точно поможет, а мне, уж извини, недосуг.

– Что-то ты напутала, – искренне возмутился Джо. – Какая может быть связь между вазами и криминалом?

– Какая связь, спрашиваешь? Ну так вспомни, например, порнографические сосуды. Те, изящные, Кейтайские, времён самого начала Войны.

– О, Господи! – невольно вырвалось у Джо.

О тех вазах он давным-давно и думать забыл. Но Кэт-то, Кэт! Ни единой мелочи у неё из памяти не выпадает! Хотя представлялись ли те сосуды Кэт мелочью? Сильно вряд ли!

И Джо, будто воочию, вспомнилось, как она похотливо разглядывала те побывавшие однажды в его мастерской вазы, как любовно их поглаживала.

– Позвони в полицию, – посоветовала Кэт.

– Я... – начал было Джо.

– У тебя что-то ещё на уме? – перебила его Кэт. – Если да, то излагай поживей да не отвлекай меня и моих гостей более от обеда.

– А можно, и я к тебе зайду? – сами собой сорвались с губ Джо слова.

– Нет, – немедленно отрезала Кэт.

– Но почему же нет?

– Разве не понимаешь? Ты же сам многократно меня уверял, что весь твой талант – в твоих руках. Вот я и опасаясь, что ты, нагрянув сюда, возьмёшь да и разобьёшь две-три мои чашки с синей глазурью по ободу, а они, между прочим, из коллекционного сервиза производства «Роял Альберт». По-

том, конечно же, как ты надеешься, на глазах восхищённых зрителей ты излечишь их, да только будь уверен, если бы я тебе даже подобное позволила, то восторгаться твоими способностями никто бы уж точно не стал. Как раз наоборот, ты своими фокусами вызвал бы у моих гостей лишь досаду да презрительный смех.

– Да не собираюсь я твои чашки бить! – в негодовании воскликнул Джо. – Мне и надо-то всего – просто посидеть да поговорить.

На лице бывшей жёнушки изобразилось самое искреннее дружелюбие, но дружелюбие это, в чём Джо, к своему несчастью, не раз и не два уже убеждался, было сплошным притворством – маской, за которой скрывалось жгучее желание, выбрав наиболее благоприятный, с её точки зрения, момент, уколоть его побольней да уязвить посильней в отместку за любой, пусть даже и самый незначительный, промах.

– Поговорить о чём? – почти проворковала Кэт.

– Как это о чём? – изумился Джо.

– Не понимаешь? Ладно, даю тебе наводящее: приведи хоть один пример, о чём бы ты желал нынче поговорить.

– Да много о чём бы желал. А в общем-то, о жизни.

– Понятно, о жизни. Ну, так скажи о жизни хоть что-нибудь дельное.

– Как, прямо сейчас, что ли? – Джо в недоумении уставился на лицо своей бывшей на экране телефона.

– А чего тянуть-то? – подзадорила его Кэт.

– Музыка Бетховена прочно укоренена в реальности. И именно это делает её уникальной. С другой стороны, такой несомненный гений, как Моцарт...

– Лучше б тебе родиться немым! – рявкнула Кэт и демонстративно швырнула трубку. Связь немедленно оборвалась.

«Звонить ей точно не стоило, – тоскливо подытожил Джо. – А я не только позвонил, но ещё и в гости напроситься попытался, а она, как обычно, не упустила своего. Господи, она вечно со мной играет, вечно норовит задеть побольней – и ей это неизменно удаётся!»

Он встал и принялся уныло мерять шагами комнату. Движение его становилось всё более бесцельным, и в итоге Джо, наконец, остановился.

«Чёрт возьми, о гадостях, которые мне в очередной раз наговорила бывшая жена, думать не следует, – принялся убеждать он себя. – Думать нужно о том, что же всё-таки означает сегодняшнее послание. Порнографические вазы... А ведь и правда, лечить их запрещено. Весьма вероятно, Кэт права.

Вообще-то, мог бы и сам догадаться... В том-то и разница между ею и мной: она схватывает всё на лету, а я бы если и уразумел, в чём тут дело, то лишь после того, как отреставрировал сосуд и впервые оглядел его не по частям, а целиком. Да, по сравнению с ней я полный идиот. Да и чего уж там, по сравнению с любым нормальным человеком – тоже. Предел моих возможностей – придумывать эти дурацкие шарady для Игры. Ну а что дальше? Что дальше?»

Решение пришло само собой, и в голове пронеслось: «Время пришло! Мистер Рекрутер, спасите меня! Спасите прямо сегодня!»

Джо протиснулся в крошечную ванную, примыкающую к модулю, и рывком приподнял крышку сливного бачка. В нём, разумеется, висел прикрепленный бечёвкой к рычагу механизма слива асбестовый мешочек с накопленными Джо четвертинками. А ещё под крышкой бачка прямо на поверхности воды плавала маленькая пластиковая бутылочка, в каких продают питьевую воду, и бутылочки этой Джо совершенно точно прежде никогда в глаза не видел.

Выловив бутылочку из воды, Джо разглядел сквозь её прозрачную стенку свёрнутый листок бумаги. Очевидно, записка.

Плавающая в сливном бачке бутылочка с запиской – явный отсыл к брошенной в море терпящими бедствие стеклянной бутылке. Масштабы, конечно же, иные: то море, а то сливной бачок. В общем, бред. Полнейший бред!

Джо разобрал было смех, однако смех угас в зародыше, а к горлу подкатила волна страха. Да не просто страха, а панического ужаса.

«А ведь это – ещё одно послание! Вроде того, что пришло сегодня по почте. Но никто так сообщения не посылает... Во всяком случае, никто на Земле».

Джо отвинтил у бутылочки крышку и вытряхнул из неё сложенный многократно листок бумаги. Бережно развернул

его.

Так и есть, листок и в самом деле содержал послание.

Джо, собравшись с силами, прочитал текст. Потом перечитал его. И перечитал снова. И снова... На листке было напечатано:

Я ЗАПЛАЧУ ТЕБЕ ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ТЫСЯЧ
КРАМБЛОВ.

«Господи, что ещё за “крамблы” такие?» – пронеслось в голове у Джо.

На спине выступила испарина, в горле застрял плотный комок... Разум попытался разобраться с происшедшим...

С тем, чего быть просто не могло.

Вернувшись в комнату, Джо набрал номер круглосуточной лингвослужбы и задал ответившему роботу вопрос:

– Что такое крамбл?

– Кусочек раздробленной субстанции, – сообщил компьютер. – Иными словами, мелкий осколок. Маленькая долька или частичка чего-либо. В английском языке слово существует с тысяча пятьсот семьдесят седьмого года.

– А в других языках? – спросил Джо.

– На среднеанглийском – «кремелен». На староанглийском – «гекриммиан». На средне-верхнеготском...

– А как насчёт неземных языков?

– На урдийском наречии Бетельгейзе-Семь это означает маленькое отверстие временного характера; клин, который...

– Не годится, – оборвал робота Джо.

– На Ригеле-Два это небольшое живое существо, которое прокладывает норы в...

– Опять не то, – вновь перебил робота Джо.

– На плабкианском наречии Сириуса-Пять «крамбл» – денежная единица.

– А вот это как раз то, что надо! – обрадовался Джо. – Теперь подскажи мне, сколько составляют тридцать пять тысяч крамблов в нынешних денежных единицах Земли.

– Извините, но по этому вопросу вам необходимо проконсультироваться у банковской службы, – заявил лингворобот. – Требуемый номер вы отыщете в своей телефонной книге.

Не ожидая дальнейших расспросов, робот отключился, и экран погас.

Джо нашёл новый номер и без проблем дозвонился до банковской справочной.

– По ночам мы клиентов не обслуживаем, – немедля сообщил банковский робот.

– По всему миру не обслуживаете? – изумился Джо.

– Повсеместно не обслуживаем.

– И как долго мне ждать?

– Четыре часа.

– Моя жизнь, вся моя судьба... – начал было Джо, но в трубке смолкли все звуки – банковский робот прервал контакт.

«Завалюсь-ка я спать, – решил Джо. – Глядишь, время и пробежит незаметно».

Было семь вечера – следовательно, поставить будильник требовалось на одиннадцать часов.

Джо нажал нужную кнопку, и из стены выдвинулась кровать, заполнив собой почти весь модуль, отчего гостиная немедленно превратилась в спальню.

Джо наладил механизм прикроватных часов. Лёг. Поворочавшись, вскоре, несмотря на несуразную кровать, более-менее устроился. Протянул руку к тумблеру, намереваясь врубить генератор сна на кратковременный, но одновременно с тем самый интенсивный режим...

Раздался пронзительный гудок.

«Чёртов контур сновидений! Даже в рань несусветную я, получается, обязан его включать! Или всё же не обязан?»

Джо вскочил, выдвинул ящичек у кровати и достал инструкцию. Пролистал её. Оказалось, что да, погружаться в наведённые искусственно сновидения надлежит при всяком использовании кровати... Единственным исключением являлся режим секса.

«Если механический соглядатай примется меня донимать, то заявлю, что познаю женщину в исконно библейском смысле этих слов», – решил для себя Джо и перевёл сексуальный тумблер на кровати в положение «ВКЛ.».

Затем снова принялся щёлкать регулятором модуля, погружающего в сон.

– Вы весите сто сорок фунтов, – безо всяких предварительных вопросов заявила кровать. – Именно такой вес на мне сейчас и размещён. Следовательно, совокуплением вы не заняты.

Сексуальный тумблер сам собой перещёлкнулся в исходное положение, а от кровати волнами пошёл интенсивный жар. Спорить с рассерженной кроватью Джо, конечно же, не рискнул и потому покорно активировал наводящий на мозг сновидения контур и закрыл глаза.

Аппарат, разумеется, сработал штатно, и Джо – как всегда, немедленно – погрузился в сон, и сон этот был абсолютно тем же, что видел эти сутки каждый спящий – в любом, пусть даже самом отдалённом, уголке планеты.

Один и тот же сон для всех и вся, но, слава богу, хотя бы каждую ночь новый.

Сон начался вполне стандартно – со слащавого, убаюкивающего голоса диктора:

– Доброй всем ночи. Сценарий для сегодняшнего сновидения под названием «Выгравировано в памяти» предложил Редж Бейкер. Присылайте нам, друзья, пожалуйста, сюжеты оригинальных снов и выигрывайте крупные денежные призы; самого удачливого из вас ждёт даже беспрецедентный суперприз – бесплатное путешествие в любое по его выбору место за пределы самой матушки-Земли! Желая вам сегодня, как и обычно, наиприятнейшего сновидения!

Раздался едва слышный щелчок, запустился сон, и Джо

Фернрайт, благоговейно трепеща в соответствии с утверждённым сценарием, предстал перед Верховным Советом Общественного Доверия, а председатель сего Совета, не таясь, кося глазом на листок перед собой, принялся торжественно вещать в микрофон:

– Господин Фернрайт создал в своей гравёрной мастерской клише, с которых впредь и будут печататься многоцветные банкноты нового образца. Отмечу, кстати, что на конкурс поступило более ста тысяч разных (в основном весьма достойных и даже наидостойнейших) проектов, но победу одержал, разумеется, лучший из лучших. Примите наши поздравления, господин Фернрайт.

Председатель отечески улыбнулся Джо, сделавшись на долю секунды весьма похожим на Господина Священника.

– Чрезвычайно польщён оказанным мне признанием, – ответствовал Джо, – и несказанно рад тому, что внёс-таки свою посильную лепту в восстановление мировой финансовой стабильности. Разумеется, то обстоятельство, что на новых банкнотах появится мой портрет, считаю малозначимым, но тем не менее искренне благодарю всех уважаемых членов жюри за оказанную мне честь.

– Ваша подпись, господин Фернрайт, – улыбнувшись, словно несмышлёному ребёнку, ласково поправил Джо председатель. – Ваша подпись, а вовсе не портрет, украсит собой новые дензнаки. А с чего вам в голову вообще пришло иное?

– Похоже, между нами возникло серьёзное недопонимание. Если на новых купюрах не будет моего портрета, то я отзываю свой проект, и в ходу останутся уже превратившиеся из-за инфляции в бесполезную макулатуру старые деньги, а тогда уж, помяните моё слово, всей мировой экономике в самое ближайшее время краха не избежать.

Добрых несколько минут царило гнетущее молчание, и его наконец прервал председатель:

– Правильно ли я понял, что вы намерены отозвать представленный вами на конкурс проект?

– Вы поняли совершенно верно, – не колеблясь ни секунды, подтвердил Джо.

В тот самый миг не меньше миллиарда землян в точности так же, как и он, угрожали Верховному Совету Общественного Доверия отзывом своих проектов, и, разумеется, каждый из них, совершенно не осознавая комизма ситуации, искренне полагал, что только на нём или на ней сейчас и зиждется вся система экономики Земли и даже всё здание мирового государства.

«Без меня всё на всей Земле пойдёт прахом», – веровал одновременно с Джо сейчас каждый.

– Что же касается моей подписи, – добавил Джо, – то я, следуя примеру легендарного героя древности Че Гевары, кой положил живот за други своя, скромно подпишусь «Джо», однако портрет мой на банкнотах исполнен быть должен полихромно, то есть, по крайней мере, в три цвета.

– Господин Фернрайт, признаю, что ваша хватка в переговорах внушает истинное уважение, да и сами вы, несомненно, выказали себя человеком стальной воли. К тому же вы мне весьма напоминаете великого Че, и я уверен, что миллионы телезрителей согласятся со мной. Так воздадим же должное славным парням: Джо Фернрайту и Че Геваре! – Председатель демонстративно отшвырнул листок с заготовленной речью и что было мочи замолотил ладонями друг о друга. – Наградим же от имени всех людей доброй воли аплодисментами истинно народного героя, который многие годы с негибимой целеустремлённостью работал над...

* * *

Джо поднял будильник. Толком ещё не проснувшись, он всё же свесил с кровати ноги. Затем неохотно сел. Из сознания уже начали мал-помалу выветриваться подробности сегодняшнего сна.

Так, о чём же всё-таки был тот весьма отрадный сон?

– Я вроде бы заработал нынче кучу денег, – произнёс он вслух. – Или просто напечатал их?

Хотя какая, в общем-то, разница? Сон – он сон и есть.

Государство ночь за ночью подменяет своим гражданам убогую реальность красочными сновидениями, и подмену эту Джо ненавидел даже больше, чем ежедневно окружающую его серую, однообразную жизнь.

«Нет, – поправил он себя, – жизни наяву всё же нет ничего хуже. Абсолютно ничего».

Джо снял трубку и позвонил в банк.

– Коллектив Межпланет Сельхоз Банк на проводе.

– Сколько будет тридцать пять тысяч крамблов в наших нынешних долларах?

– Вы говорите о плабкианских крамблах – денежном платёжном средстве, ныне используемом на Сириусе-Пять?

– Именно о них я тебе и толкую, безмозглая ты железяка.

– Двести трдециллионов долларов, – после короткой паузы выдал банковский робот. – Два, ноль, ноль и ещё сорок два нуля.

– Да ты меня разыгрываешь! – вырвалось у Джо.

– А с чего бы вдруг? – Робот, казалось, даже удивился. –

Посудите сами, ведь я и знать не знаю, кто вы такой.

– А бывают вообще другие крамблы? Я имею в виду, использует ли слово «крамбл» для обозначения денежной единицы кто-нибудь, помимо обитателей Сириуса-Пять? Какие-нибудь там другие цивилизации, государства, автономии, племена или секты в известной нам части Вселенной?

– Несколько тысяч лет назад крамблы находились в обращении у...

– Понятно, – перебил робота Джо. – Я спрашивал лишь о нынешних крамблах. Тем не менее спасибо. Вопросов более не имею.

В ушах отчаянно звенело. Ощущение было такое, слов-

но Джо засунули внутрь игрального автомата, который вдруг взял да и выдал три семёрки разом. Ему подумалось: «Наконец-то! Подфартило так подфартило!»

Неожиданно с грохотом распахнулась входная дверь, и в комнату ввалились двое дюжих, облачённых в форму Управления Общественного Спокойствия полицейских. Полицейские первым делом обшарили цепкими профессиональными взглядами помещение, и тот, что был пониже, но зато пошире в плечах, небрежно махнув перед лицом Джо раскрытым удостоверением, заревел:

– Я – Хаймс из УОС, а это – мой коллега Перкин. А вы, как я понимаю, господин Фернрайт? Целитель керамики по профессии? И вы вроде бы получаете ветеранское пособие? Конечно же, получаете, – не дожидаясь ответа, проговорил Хаймс. – Очевидно, что ваш ежедневный доход складывается из полученных по пособию денег и усреднённой выручки от вашей так называемой работы. Ну и каков же он, ваш ежедневный доход? В общем, как много вы зарабатываете?

Второй, что был повыше да посухощавее, усовец вошёл в ванную и тоненько загнусавил оттуда:

– Любопытно, любопытно... Крышка туалетного бачка снята, а внутри подвешен мешочек с металлическими монетами. Судя по весу, в нём без малого с сотню четвертаков. – Перкин вернулся в комнату. – Несомненно, вы – бережливый человек, господин Фернрайт. И как давно?..

– Два года уже. Но я ничего не нарушаю, – затараторил

Джо. – Я справлялся у Господина Юриста.

– А что за история у вас тут приключилась с плабкианскими крамблами?

Джо заколебался.

Говорить ли полицейским правду? Уосовцев недолюбливал не он один. Разумеется, пиджаки на этих ребятах всегда безукоризненные – ладно скроенные, серые в коричневую полоску; у каждого портфель – ни дать ни взять все они процветающие коммерсанты, люди, наделённые правом принимать собственные решения. И вовсе не походили они на взаимозаменяемые винтики большой бюрократической машины. И вовсе не напоминали собой безмозглые механизмы, методично исполняющие чужую волю. Но всё же сквозило в них что-то нечеловеческое, бездушное... И тут вдруг Джо явственно уразумел, что же именно отделяет их от обычных людей и придаёт их действиям явственное сходство с механизмами-роботами. Ведь даже представить себе невозможно, что уосовец открывает перед женщиной дверь. Мелочь, понятное дело, пустячок – но именно в этой-то мелочи и заключена самая уосовская суть. Обычные нормы вежливости к ним как бы даже неприменимы. Никогда не пропустят тебя вперёд, никогда не снимут в лифте шляпу. Никогда. Но как же гладко они вечно выбриты! И до чего ж ухожены!

«Наконец-таки я их разгадал, – пришло на ум Джо. – Наконец-то разглядел их нутро, пусть и сделал это всего лишь метафорически».

– Я нашёл записку, – прервал молчание Джо и протянул бумажку, извлечённую из найденной в сливном бачке пластиковой бутылки. – Вот, полюбуйтесь.

– От кого она?

– Сие одному только Богу известно.

– Шутки с нами шутить надумали? – рявкнул тот, что поздоровей, разглядывая записку.

– Считаете записку шуткой? Или моё высказывание «Сие одному только...»? – Джо запнулся, увидев, что усовец ростом повыше да поуже в плечах достаёт мыслеграф – прибор для записи мыслей. – Вот-вот, наглядно убедитесь в том, что я не вру.

Несколько минут полицейский водил похожим на дирижёрскую палочку приёмником мыслеграфа у Джо над головой. Прибор едва слышно жужжал, меж вставшими дыбом волосами Джо слегка потрескивал воздух, и все трое напряжённо молчали. Наконец полицейский вернул приёмник в карман, вставил в ухо крошечный наушник, нажал кнопку в глубине своего другого кармана и в по-прежнему не прерывающемся всеобщем молчании внимательно прослушал полученную запись.

– А подопечный-то наш, как это ни удивительно, говорит чистую правду, – обратился Перкин к напарнику. – О записке ничего толком не знает. Не знает ни от кого она, ни в чём её суть. – Убрав наушник, он повернулся к Джо: – Не укоряйте нас, господин Фернрайт, за непрошенный визит. Вам,

конечно же, известно, что мы прослушиваем все телефонные разговоры, а ваш звонок нас, разумеется, сразу же привлёк, поскольку, согласитесь, речь шла об очень уж значительной сумме.

Тут в дело вступил плечистый горластый Хаймс:

– Ежедневно звоните по этому номеру, – распорядился он и протянул Джо визитную карточку. – К телефону на том конце никого конкретно не просите, а просто информируйте ответившего вам обо всём, что произошло с вами за последние сутки.

После непродолжительной паузы опять заговорил Перкин:

– Поймите, пожалуйста, нас, господин Фернрайт, правильно. Ведь даже дефектному роботу ясно, что ни за какую дозволенную правительством работу никому в наши дни не заплатят тридцать пять тысяч крамблов. Следовательно, наличествовать может лишь деятельность незаконная, запрещённая нашим Государством.

– Так на Сириусе-Пять, похоже, излечения требует невероятная уйма разбитой керамики, – не слишком веря самому себе, возразил Джо.

– Опять шутить изволим? – хмуро прохрипел Хаймс и, нимало не интересуясь ответной репликой Джо, махнул Перкину рукой. Оба они, не попрощавшись, вышли (правда, дверь за собой всё же затворили).

– А может, излечить необходимо лишь одну, но зато чер-

товски огромную вазу, – закричал им вслед Джо. – Вазу размером с целую планету. С цветной глазурью слоёв из пятидесяти... – Слышать его полицейские уже никак не могли, но Джо, распалившись, всё же продолжал: – И расписана она была величайшим в истории плабкианским художником. И ваза эта – единственное сохранившееся бесценное творение гения, и местные её обожествляли, и на восторженном поклонении той вазе на Сириусе-Пять всё и вся только и держалось, но ваза была изрядно повреждена землетрясением, что в конце концов и привело Плабкианскую цивилизацию в упадок.

Плабкианская цивилизация. Интересно, а насколько она там, на Сириусе-Пять, развита? Да уж, неплохо бы уже выяснить.

Не откладывая задуманное в долгий ящик, Джо позвонил в Энциклопедию.

– Добрый вечер, – бодро поприветствовал его робот. – Какая информация вас интересует, господин или госпожа?

– Дай-ка мне краткую справку по истории социального развития цивилизации на Сириусе-Пять.

После крошечной, менее чем в десятую долю секунды, задержки механический голос из телефонной трубки размеренно затрындел:

– История разумной жизни на Сириусе-Пять насчитывает многие сотни и сотни тысяч лет, и общество там, что, конечно же, очевидно, давно уже прошло пик своего естественно-

го развития. В доисторическую эпоху Сириусом-Пять правили так называемые туманники. Принято считать, что ныне эта раса разумных существ полностью исчезла, а доминирующим видом вместо неё стал так называемый Глиммунг. Глиммунг – это таинственное, чуждое планете существо гигантских размеров. Переселившись на Сириус-Пять несколько столетий назад, оно без особых усилий подчинило себе все давно ставшие немощными виды разумных существ, которые обитают там, судя по всему, ещё со времён владычества Существ древности – туманников. Сейчас принято считать, что Глиммунгом тогда были покорены следующие виды: спиддлы, вабы, вержи, клаки, тробы и печатники.

– А этот... Как его там? Глиммунг! Он что же, всемогущий, что ли? – удивился Джо.

– Его власть огромна, но не беспредельна, поскольку якобы радикально ограничена единственной в своём роде, уникальной Книгой, в которой, как считается, записано всё, что было, всё, что есть, и, как вам теперь, надеюсь, очевидно, всё, что будет.

– А откуда такая Книга вообще взялась?

– Вы исчерпали ваш суточный лимит запрашиваемой бесплатно информации, – безапелляционно заявил робот и отключился.

Джо, выждав ровно три минуты, перезвонил по тому же самому номеру.

– Добрый вечер. Какая информация вас интересует, гос-

подин или госпожа?

– Книга на Сириусе-Пять, содержащая, как считается, всё, что...

– А, это опять вы. Но, смею уверить, ваш трюк больше не пройдёт: теперь мы распознаём голоса всех спрашивающих, – как показалось Джо, злорадно, а на самом деле, разумеется, совершенно равнодушно заявил робот и немедля разъединился.

«А ведь об этом даже и в Газете писали, – вспомнил Джо. – Возможность для всякого перезвонить спустя всего лишь три минуты после того, как робот-Энциклопедия дала отбой, давно представлялась Государству весьма накладной, вот и были выдуманы новые ограничительные правила, и теперь добыть хотя бы ещё толику бесплатной информации мне удастся не ранее чем через целые сутки. Разумеется, есть ещё частный сервис, он же Господин Энциклопедист, но очевидно, что за его услуги придётся выложить целое состояние – в моём случае, поди, почти всё накопленное, что в асбестовом мешочке. И, самое обидное, львиную долю от моих накоплений в таком случае получит не кто иной, как Государство, поскольку только на таких гнусных условиях частникам – Господину Юристу, Господину Энциклопедисту или, к примеру, Господину Рекрутеру – и были милостиво выданы лицензии. Ну, а я, как ни крути, при любом раскладе опять оказываюсь в пролёте, – с горечью констатировал Джо. – Впрочем, оно и немудрено. Ведь не случайно же наше общество

слывёт самым справедливым: в конечном счёте все, живущие в нём, рано или поздно, но всё же непременно, в отличие от Государства, оказываются проигравшими».

Глава 3

На следующее утро Джо обнаружил у себя в кабинете очередную конверт со штемпелем экспресс-доставки.

Новое письмо гласило:

ГОСПОДИН ФЕРНРАЙТ, ВЫЛЕТАЙТЕ НА ПЛАНЕТУ ПАХАРЯ. ВЫ ТАМ НУЖНЫ. ТАМ ВАША ЖИЗНЬ ОБРЕТЁТ ПОДЛИННЫЙ СМЫСЛ. ТАМ ВЫ ВНЕСЁТЕ ВКЛАД В ВЕЛИКОЕ НАЧИНАНИЕ, КОТОРОЕ ПЕРЕЖИВЁТ НАС ОБОИХ.

Подпись опять отсутствовала.

Планета Пахаря, Планета Пахаря... Название казалось Джо смутно знакомым. Он отрешённо позвонил в Энциклопедию.

– Правда ли, что Планета Пахаря и...

Его перебил бесстрастный механический голос:

– Ваш звонок очень важен для нас, но, к сожалению, ваш текущий лимит запросов исчерпан, и оттого ответить на очередной ваш запрос мы сможем не ранее чем через двенадцать часов. перезвоните позже, пожалуйста.

– Да мне всего-то и нужно! Мне бы только узнать, Сириус-Пять и Планета...

Но робот на то и робот, и, разумеется, он немедленно дал отбой.

Вот же гадина бездушная. Вообще, все роботы и компью-

теры – гады. Все до единого!

Кого бы ещё спросить? Кто с ходу скажет, одно ли и то же Планета Пахаря и Сириус-Пять?

Кэт. Она-то уж наверняка знает.

Джо по памяти набрал первые цифры её рабочего телефона, но тут его озарило: если он и в самом деле эмигрирует, то лучше б бывшей жёнушке оставаться в неведении относительно того, куда именно он намерен отправиться, а то, не ровён час, и на новом месте эта стерва опять отыщет его да и примется, как ею и заведено, выколачивать из него алименты.

Джо поспешно повесил трубку. Ещё несколько раз перечитал письмо. Мало-помалу в голове его зародилась догадка: «А что, если в нижней, несуразно обширной и незаполненной текстом части письма есть ещё что-нибудь? Что-нибудь, скрытое от постороннего взгляда. К примеру, какая-нибудь сделанная невидимыми чернилами приписка. Вдруг там что-то такое, что вроде бы называется тайнописью!»

Словно первобытного человека, вдруг обнаружившего тщательно замаскированную тропку, Джо обуяло возбуждение. И он немедленно позвонил Смигу.

– Если бы вам пришло письмо, написанное невидимыми чернилами, как бы вы, лично вы, его прочли?

– Я бы подержал его над источником тепла, – без запинки выпалил Смит.

– Это ещё зачем? – удивился Джо.

– А затем, что, скорее всего, оно написано молоком, а высушенный на бумаге молочный след невидим, но после нагревания он проявляется и становится тёмным.

– Чем-чем написано? Молоком? – В голосе Джо явственно проявились нотки нетерпения.

– Статистика свидетельствует, что...

– Быть такого не может. Просто не может быть. Разве бывает тайнопись молоком? – Джо помотал головой. – И вообще, откуда взяться статистике по невидимым чернилам? Полный бред. Бред полнейший!

Всё ещё недовольно бурча, Джо достал зажигалку, зажёл её и подержал письмо над пламенем. Вскоре внизу письма тёмным на белой бумаге проявились буквы:

МЫ ПОДНИМЕМ ХЕЛЬДСКАЛЛУ!

– Ну, и что там на листке? – нетерпеливо спросил Смит.

– Слушайте, Смит, а вы в течение последних суток Энциклопедией не пользовались?

– Нет, – ответил тот.

– Тогда позвоните, пожалуйста, в Энциклопедию. Спросите там, является ли Планета Пахаря всего лишь другим названием Сириуса-Пять. И ещё, что за Хельдскалла такая, – закончив фразу, Джо вдруг сообразил, что с последним вопросом, весьма вероятно, справится и Словарь, а позвонить туда вполне может и он сам. – Давайте же, свяжитесь со мной, как только разузнаете что-нибудь в Энциклопедии. Пока. – Джо положил трубку.

На душе скребли кошки. Категорически не нравилось ему происходящее. Да и ещё придётся, разумеется, обо всех последних событиях сообщить в полицию, а уж полиция потом, как водится, опять возьмёт его, Джо, в оборот. Там, поди, уже и дело на него завели. Да чего там, точно завели. Разумеется, завели, да только не сейчас, а как только он на свет явился! Но теперь в его деле появились свежие записи, а дополнительные записи в деле – это уж, знает всякий, точно не к добру.

Джо мысленно произнёс: «Хельдскалла». Незнакомое слово ласкало сознание, и ощущались в нём и монолитность, и незаурядность, и величавость. И не сочеталось оно совсем с его рабочим местом-каморкой, с телефоном, с плотными людскими толпами на улицах, с беспросветной серой жизнью на ветеранское пособие и расцветенной лишь только временами Игрый.

Джо перевёл дыхание и позвонил в Словарь:

– Что такое Хельдскалла?

Механический голос Словаря отчеканил:

– Хельдскалла – это древний Храм на Сириусе-Пять, построенный туманниками, ранее правившими планетой. Много веков назад его вместе со старинными реликвиями и святынями поглотило море.

– А ты что, объединился с Энциклопедией? – удивился Джо. – Больно уж длинное для Словаря ты мне определение выдал.

– Да, господин или госпожа, я теперь соединён с Энциклопедией.

– Тогда расскажи мне о Хельдскалле подробнее.

– За дополнительной информацией обратитесь, пожалуйста, в Энциклопедию.

– Спасибо, – выдавил Джо Фернрайт дрогнувшим голосом и повесил трубку.

Недавние события вдруг сложились в голове воедино, и ему стал очевиден их скрытый доселе смысл. Получалось, что некто Глиммунг (а Глиммунг – это, скорее всего, всё-таки имя) вознамерился поднять со дна морского древний Храм, Хельдскаллу, а для этого ему необходимы первосортные специалисты в самых разных областях. Керамических сосудов в Хельдскалле – завалились, и оттого-то Глиммунг и предложил именно Джо, лучшему на всей Земле целителю керамики, работу, за выполнение коей и посулил кругленькую сумму.

Джо подумалось, что, поди, не он один получил недавно престранные письма и что Глиммунг наверняка завербовал уже сотни две мастеров с двухсот планет. Пред мысленным взором Джо сама собой предстала огромная пушка, и пушка та палила не ядрами и не снарядами, а письмами экспресс-доставки, тысячами писем, адресованных самым разным существам по всей Галактике.

«Боже мой, – пришло на ум Джо, – а ведь полиция-то уже всю ведёт расследование. Нет сомнений, что те двое

неспроста вчера вечером ввалились ко мне сразу же после звонка в банк. Конечно же, они заранее знали, к чему эти письма и та мудрёная записка в туалетном бачке. Могли бы и меня тогда просветить. Но это было бы уж слишком человечно, чересчур по-людски, а от полиции такого вовек не дождёшься».

Мысли Джо были грубо прерваны телефонным звонком, и он немедленно поднял трубку.

– Я тут поговорил с Энциклопедией и кое-что выяснил, – сообщило изображение Смита на экране. – Оказывается, Планета Пахаря и есть Сириус-Пять на космическом жаргоне. Дозвонившись до Энциклопедии, я задал ей ещё и дополнительные вопросы. Надеюсь, вы останетесь довольны.

– Я тоже на это надеюсь, – невольно напрягшись, произнёс Джо.

– Энциклопедия сообщила, что там обитает огромных размеров существо, и существо это, по всей видимости, весьма дряхлое.

– Дряхлое – в смысле, больное? – потребовал уточнения Джо.

– Возраст у него, понимаете ли, весьма преклонный. Да и к тому же оно не совсем в своём уме.

– Оно агрессивное, что ли?

– Ну какой агрессии вы ожидаете от дряхлого помешанного существа? Оно вообще по большей части дремлет.

– А хоть изредка да разговаривает?

– В общем-то, нет.

– И даже не здороваются? – удивился Джо.

– Лет десять назад оно ненадолго очнулось и запросило у нас орбитальный метеоспутник.

– И чем оно расплатилось?

– Да ничем. Да и чего там взять с малоимущего? Мы ему вдобавок к метеорологическому ещё и спутник связи пода-
рили.

– Так, говорите, ни средств, ни светлого разума у него нет и в помине, – с нескрываемой грустью в голосе проговорил Джо. – Да уж, видно, не судьба мне хоть какими-то его де-
нежками обогатиться.

– А вы с ним чего, судитесь, что ли?

– Бывайте, Смит, – попрощался Джо.

– Да погодите же вы, погодите! У нас тут новая Игра нари-
совалась! Присоединяйтесь к нам и вы! Правила предельно
просты: просматриваем газетные архивы и стараемся быст-
рее других отыскать там смешной заголовок. Понимаете?
Ищем настоящий, а не выдуманный заголовок! Я уже сыс-
кал один отличный, в газете от тысяча девятьсот шестьдесят
восьмого года. Услышать хотите?

На Джо меж тем накатила волна безмерного безразличия
ко всему на свете, но он всё же вяло предложил:

– Давайте же, выкладывайте свой заголовок.

– «Чем выше взбирается обезьяна, тем лучше видна её
задница!» – прочитал по бумажке до чрезвычайности до-

вольный собою Смит.

– И эта фраза, что же, – заголовок реальной статьи? – искренне удивился Джо.

– А то как же! – возликовал, услышав вопрос, Смит. – И эта фраза не просто фраза, она – цитата из предвыборной речи Роберта Кеннеди, а та, в свою очередь, – малоизвестная прежде восточная пословица.

– А что за фрукт такой этот ваш Роберт Кеннеди?

– Он, представьте себе, был братом президента огромной страны, которая некогда называлась Соединёнными Штатами Америки, – с неделаным энтузиазмом затараторил Смит. – Ну да что я вам про страну эту, США, толкую. Вы про неё уж точно знаете никак не меньше моего. Ведь живёте вы на территории, которая являлась когда-то частью той самой страны. Ну так вот, возвращаюсь к заголовку. После того как Джона Кеннеди, брата Роберта, убили, он и сам вскорости вознамерился баллотироваться в...

– Ну всё, мне пора, – отрезал Джо, вставая с кресла. – Неотложные дела зовут.

Он немедля повесил трубку. Пора было поскорее отправляться домой. Домой, за мешочком с четвертаками.

Глава 4

На городских тротуарах колыхалось, то распадаясь на части, то соединяясь уже в несколько ином виде, огромное жалкое существо – толпа кливлендских безработных, давно уже и не надеющихся изменить свой социальный статус. Джо Фернрайт, прокладывая путь к будке мистера Рекрутера, кожей ощущал присутствие унылого гиганта, вдыхал его резкий, отдающий почему-то уксусом запах, а отовсюду к нему, словно цепкие лапки насекомых, норовили прилипнуть бессмысленно-тупые назойливые взгляды.

– Разрешите пройти, – обратился Джо к внезапно преградившему ему путь худому юноше-мексиканцу.

Юноша нервно моргнул, но с места не сдвинулся. Он, несомненно, углядел в руке у Джо асбестовый мешочек и, само собой, сразу же уразумел, что в нём находится и, соответственно, куда и зачем направляется его обладатель.

– Так ты мне дорогу дашь? – повысил голос Джо и тут обнаружил, что позади, отрезав ему путь к отступлению, плотной стеной сомкнулась бессловесная толпа.

«Ну всё, – подумал он, чувствуя, как сердце уходит в пятки. – Я в западне, и сейчас из меня вытрясут все монеты. Как пить дать, все вытрясут! Все до единой!»

– Разрешите взглянуть на ваши монеты, сэр, – попросил мексиканец.

Что Джо оставалось? Его плотным кольцом окружали глаза, или скорее даже не глаза, а чёрные провалы глазниц, и он кожей чувствовал, что от него уже ничего не зависит: доберётся ли он до будки мистера Рекрутера или пропадёт по дороге – толпе на то плевать.

«Чёрт возьми, попался, как мальчишка, – с удивлением осознал Джо. – Деньги мои, кровные, и толпе это отлично известно. Ну и что они мне сделают? Они что, полагают, что я поддамся их чарам? Пускай думают, что им угодно, меня же с пути уже не собьёшь: раз уж решил, начхав всё-таки на письма, отправиться к мистеру Рекрутеру, то на полдороге никто меня уже не остановит».

– Нет, – отрезал Джо.

– Я на них лишь посмотрю, – не совсем уверенно заверил его юноша. – И даже пальцем не трону.

Джо Фернрайта вдруг охватил безумный, удививший его самого порыв. Он, пошарив в мешочке, достал монету и поспешно, пока не передумал, протянул её юноше-мексиканцу. Парень немедленно схватил её, и тут же со всех сторон к Джо потянулись десятки потных, трясущихся, раскрытых ладоней. Пустые доселе глаза безработных вокруг зажглись алчностью, но в них не было ни малейшего намёка на агрессию, и вырвать мешочек из руки Джо никто силой даже не пытался. Каждый ждал подношения молча, каждого наполняла такая же отчаянная надежда, какой охвачен был и сам Джо, когда совсем недавно маялся у почтового ящика в предвку-

шении очередного письма от клиента, чей заказ ему вроде бы сулил радикальную перемену в жизни.

«Какой ужас! – подумал Джо. – Бедолаги полагают, что явился я сюда именно затем, чтобы принести им дары, которых они и ждут давненько от Вселенной. Ждут, почитай, уже всю жизнь, но ничего пока не получали – и принимают сие совершенно покорно. Так же покорно, как и сейчас ждут подачи от меня, а видят они во мне, поди, сказочное, сверхъестественное существо. Но нет же! Нет! Какое я им, к чертям собачьим, дары приносящее существо! Надо поскорее уносить отсюда ноги. Помочь им мне всё равно не по силам».

Сознание Джо говорило одно, а пальцы его сами собой шарили в мешочке, и в протянутые к нему жадные ладони одна за другой ложились с величайшим трудом скопленные им монеты.

Над головой, снижаясь, пронзительно засвистела, заскрежетала похожая на летающую тарелку патрульная машина с откинутым верхом. В ней сидели двое в блестящих униформах и искрящихся защитных шлемах, и у каждого наготове были сразу и лазерный пистолет, и штатный парализатор.

– Немедленно пропустите этого человека! – рявкнуло из бортового громкоговорителя полицейской машины.

Протянутые руки отдёрнулись, и плотное кольцо вокруг Джо почти мгновенно рассосалось.

– Нечего тебе тут торчать, – басовито пророкотал, обращаясь к Джо безо всякого усилителя звука, другой голос из

полицейской машины. – Проваливай отсюда подобру-поздорову вместе со своими деньгами, а не то я тобой живо займусь.

Джо молча двинулся прочь.

– Кем ты себя возомнил? – закричал из машины, последовавшей за Фернрайтом по пятам, первый коп. – Филантропом, что ли? Или долбаным меценатом?!

Джо подавленно хранил молчание.

– По закону ты обязан мне отвечать! – взвился полицейский.

Сунув руку в мешочек, Джо с изумлением обнаружил, что у него осталось всего только несколько четвертаков.

«Денег у меня почитай что уже и нет, – понял он. – Значит, остаются лишь почтовый ящик да то, что я из него извлёк за последние два дня. Нравится мне или нет, но теперь, после того, что уже случилось, вопрос оказался сам собой решённым».

Джо достал из мешочка монету и протянул её вопрошавшему полицейскому.

– Зачем ты мне эту монету суёшь? – свирепо взревел тот.

– На чай, – пояснил Джо.

И ему немедленно, точно между глаз, ударил луч табельного парализатора, и голова его разлетелась на части.

Очнулся Джо в полицейском участке. Сидел он, привалясь к стене, на шатком стуле в углу. Джо мотнул было головой, и в затылке у него немедленно разорвалась если и не граната, то связка петард уж точно.

Заметив, что Джо более-менее очухался, к нему подошёл молодой стройный блондин в идеально отутюженной форме.

– Арестовывать вас, мистер Фернрайт, мы пока не намерены, – заявил блондин. – Хотя, конечно, следовало бы, поскольку вы, несомненно, виновны в преступлении против народа.

– Против Государства, – уточнил Джо, пытаясь потиранием лба в точке, куда угодил луч парализатора, унять боль. – Не против народа, а именно против Государства.

– То, что вы сейчас мне говорите, – отреагировал на слова Джо молодой офицер, – уже само по себе является преступлением, и вас за это надлежит немедля упрятать за решётку. Более того, вас следовало бы признать врагом рабочего класса и передать в Государственный Комитет Политической Безопасности как участника заговора против народа и слуг народа, каковыми, несомненно, являемся мы, блюстители порядка, полицейские. Но вы у нас – случай особый. Очевидно же, что раздавать монеты совершенно незнакомым людям человек в здравом уме никогда не станет. –

Он окинул Джо цепким, придирчивым взглядом. – Вы, несомненно, не отдавали себе отчёта в собственных действиях?

Боль у Джо была настолько жуткой, что в голове отсутствовали даже зачатки мыслей.

– Да, не отдавал, – тупо согласился он.

– Тем не менее мы конфискуем оставшиеся у вас монеты. На время, во всяком случае. И в течение ближайшего года вы будете находиться в статусе условно заключённого. В течение всего этого срока вы будете обязаны еженедельно отмечаться в ближайшем к вашему месту жительства полицейском участке и сообщать там обо всём, что с вами за истёкшую неделю произошло.

– Я становлюсь пусть условно, но всё же заключённым? – поразился Джо. – Как же так? Ведь суда же не было?

– Суда над собой желаете? – Офицер вновь пристально оглядел его.

– Нет, нет. – Джо, не подумав, мотнул было головой и тут же оказался за это наказанным новой вспышкой дикой боли.

«Очевидно, материалы из Управления Общественного Спокойствия на меня здесь ещё не получены, но рано или поздно всё сойдётся одно к одному – и чаевые патрульному, и записка в сливном бачке, и неоднократные случаи моего прилюдного неподобающего поведения в общественных местах... – судорожно размышлял Джо. – Какой же я кретин! От безделья в течение семи месяцев вконец с катушек слетел... И вот теперь, когда я наконец-то сделал шаг, когда всё

же понёс с трудом скопленные монеты мистеру Рекрутеру, так всё, абсолютно всё разом пошло прахом!»

– Одну минуточку, – подал из-за стойки голос дежурный по отделению. – Тут на этого субчика пришли материалы из УОСа – только что выпала целая пачка из коллектора их центрального банка данных...

Джо вскочил и бросился к двери – ему хотелось скорее наружу, скорее в плотную человеческую толпу; зарыться в ней, раствориться там среди...

Однако стоило Джо сорваться с места, как с неестественной быстротой, словно сняты они были обычной камерой, но полученный ролик теперь крутили в многократно ускоренном режиме, ему наперерез устремились две кряжистые фигуры в униформах.

И они бы, несомненно, схватили Джо, да только вдруг невероятным образом оказались под водой. Оторопев от неожиданности, они уставились на Джо – ни дать ни взять две лупоглазые серебристые рыбы, плавающие среди... О, кто бы только поверил!.. Среди самых настоящих кораллов и водорослей. Да и весь полицейский участок преобразился, неожиданно превратившись в аквариум, а мебель в нём, оказавшись теперь полужасыпанной неведомо откуда взявшимся здесь песком, стала похожа на остовы давно затонувших кораблей, построенных неведомо когда из древесины. Здоровущие копы прекратили пялиться на Джо и теперь, отчаянно извиваясь, силились дотянуться до него, да только не

могли, поскольку тот остался снаружи аквариума, а они находились внутри. Копы раз за разом безрезультатно долбились о стекло, но всё же, неистово разевая и смыкая рты-пасти, попыток своих не оставляли, а до Джо не доносилось ни единого звука.

Между Джо и копами внутри аквариума, словно дух моря, пронёсся большущий кальмар. Неожиданно кальмар выпустил огромное чернильное облако. Облако стало стремительно разрастаться, а кальмар, видимо, намереваясь окутать своими чернилами весь белый свет, принялся изрыгать из себя одно за другим новые чернильные облака, и те почти сразу поглотили полицейских, а затем и весь участок, да и всё пространство вокруг Джо вскоре тоже наполнилось чернотой. Чернота эта, мал-помалу уплотняясь, сделалась вовсе непроницаемой, однако дышать у Джо, к его удивлению, пока всё ещё получалось.

– Эй! – крикнул он и, к собственному удивлению, явственно услышал свой голос.

«Значит, я не в воде, – мелькнула у Джо обнадёживающая мысль. – И уж точно не в аквариуме. Существою сам по себе. Отдельно. Но где же это я? А если пошевелюсь?»

Он пошевелился и обнаружил, что движениям его ничто не мешает. Тогда он сделал шаг. Затем другой и – бум! – наткнулся на что-то твёрдое; видимо, на стены.

«А если направлюсь в другую сторону?»

Он повернулся и шагнул было вправо, но снова – бум!

Другая стена!

Фернрайта охватила паника.

«Я в ящике, – ужаснулся он. – Скорее всего, в гробу. Меня что же, выходит, убили?.. Убили при попытке к бегству?..»

Он протянул правую руку во тьму... И в ладони его будто само собой оказалось что-то, и это что-то было небольшим параллелепипедом с выстроенными в ряд кнопками и двумя дисками по бокам.

Транзисторный радиоприёмник!

Джо тут же его включил, и в темноте нарочито радостно зазвенел голос:

– Привет всем! С вами снова развесёлый Кэри Карнс! И передо мной – шесть многоканальных телефонов, и к ним ведут аж целых двадцать входящих линий, из чего следует, что для вас, друзья, для всех и каждого, кто пожелает о чём-нибудь (не важно о чём) поговорить или поспорить, непременно найдётся свободный канал. Итак, слушайте максимально внимательно и, разумеется, немедленно запоминайте или лучше, конечно, записывайте! Мой номер 394-950-911-111. Звоните же мне, друзья, рассказывайте о чём угодно – о хорошем или плохом, об интересном или скучном. Просто наберите номер Кэри Карнса 394-950-911-111, и о вас узнают тысячи моих радиослушателей. Ваша точка зрения или информация, которая, по вашему мнению, касается нас всех, немедленно станут всеобщим достоянием... – Из динамика послышался телефонный звонок. – Вот, нам уже зво-

нят! – даже с большей радостью, чем прежде, возвестил Кэри Карнс. – Слушаю вас, сэр! Извините – слушаю вас, мадам!

– Мистер Карнс, – проговорил хриплый женский голос, – я настаиваю на том, чтобы на пересечении улиц Фултон и Клеверная поставили дорожный знак «Стоп». Тут у нас много школьников и даже малышей, и каждый день я вижу, как они...

Левой руки Джо коснулось что-то твёрдое. Джо поспешно схватил это что-то. Ощупал его. То был телефон. Джо сел на пол, поставил телефон и приёмник перед собой. Достал из кармана зажигалку. Зажег её. Пламя выхватило из тьмы крохотный пяточок, в котором, однако, вполне различимыми стали и телефон, и радиоприёмник. Производителем приёмника оказалась компания «Зенит», и, судя по размеру и обилию кнопок, модель была из лучших, из самых дорогих.

– Итак, друзья, – как всегда, весело затараторил Кэри Карнс, – набрав номер 394-950-911-111, вы свяжетесь со мной, а уж дальше с моей помощью – и со всем честным миром...

Джо, хотя удалось ему это далеко не с первого и даже не со второго раза, всё же набрал, наконец, длиннющий номер без ошибок. Плотно прижал трубку к уху. Сначала услышал вместо длинных гудков почему-то короткие, но затем и из приёмника, и из телефона всё же зазвучал голос Карнса:

– Да, мадам? Или на этот раз всё-таки сэр?

– Где я? – неуверенно произнёс Джо в трубку.

– Внимание, друзья! – радостно вскричал Карнс. – Нам кто-то опять звонит, и этот человек, бедная душа, заблудился. Как ваше имя, сэр?

– Джозеф Фернрайт, – представился Джо.

– Что ж, мистер Фернрайт, мы слушаем вас с величайшим вниманием. Вы хотите знать, где находитесь? Друзья! Может ли кто-нибудь сказать, где сейчас находится мистер Джозеф Фернрайт... из Кливленда? Вы ведь из Кливленда, мистер Фернрайт?

– Да, я из Кливленда, – подтвердил Джо.

– Замечательно, мистер Джозеф Фернрайт из Кливленда! – опять затараторил жизнерадостный Карнс. – Не знает ли кто-нибудь из вас, мои уважаемые радиослушатели, где этот человек находится? Находится сейчас, прямо сию минуту. Думаю, что мистеру Фернрайту очень важно это узнать. Я подключаю все линии сразу: надеюсь, что кто-нибудь позвонит нам и подскажет, хотя бы приблизительно, в каком районе находится мистер Фернрайт. Итак, друзья мои, те из вас, кто не может дать нам такую подсказку, пока, пожалуйста, воздержитесь от звонков. Мистер Фернрайт, уверен, мы в самое ближайшее время вычислим ваше теперешнее местонахождение. Конечно же, выясним, ведь в нашем распоряжении десятимиллионная аудитория, передатчик на пятьдесят тысяч ватт и ещё к тому же... – Послышался приглушённый телефонный звонок. – А вот и первый дозвонившийся! Да, сэр или мадам? Сэр. Как ваше имя, сэр?

Мужской голос из телефона и из приёмника произнёс:

– Меня зовут Дуайт Л. Глиммунг, мой адрес – Плезант Хилл Роуд, 301. Я знаю, где находится мистер Фернрайт. Он у меня в подвале, в деревянном ящике из-под кондиционера, который я заказал в прошлом году в «НарГосПромМаге».

– Вы слышите, мистер Фернрайт? – вскричал развесёлый Кэри Карнс. – Вы – в упаковочном ящике у мистера Дуайта Л. ... как дальше вас зовут, сэр?

– Глиммунг.

– Да. Вы в подвале дома мистера Дуайта Л. Глиммунга на Плезант Хилл Роуд, 301. Так что оставьте ваши страхи, мистер Фернрайт, и немедленно выбирайтесь из ящика. Очевидно, что всё худшее для вас уже позади!

– Не хотелось бы, чтобы он разворотил мой ящик, – поспешно заявил Дуайт Л. Глиммунг. – Лучше я, пожалуй, сам спущусь в подвал, отогну несколько досок и выпущу его.

– Мистер Фернрайт, – услышал Джо голос Карнса, – скажите нам, как так получилось, что вы очутились внутри пустого упаковочного ящика в подвале мистера Дуайта Л. Глиммунга с Плезант Хилл Роуд, 301? Думаю, каждому нашему слушателю любопытно будет об этом узнать.

– Я и сам не знаю, – ответил Джо.

– Может быть, на этот вопрос нам ответит мистер Глиммунг? Мистер Глиммунг! Алло! Вы ещё с нами, мистер Глиммунг? Он, похоже, уже отключился. Очевидно, сейчас спускается в подвал и вскоре освободит вас, мистер Фер-

нрайт. Как же вам всё-таки повезло, сэр, что мистер Глим-мунг так вовремя оказался среди слушателей нашей радиостанции! Иначе, вероятно, просидели бы вы в ящике вплоть до второго пришествия... А теперь пообщаемся и с другими нашими радиослушателями, которые... Алло?

В трубке у уха Джо щёлкнуло, и связь оборвалась.

Снаружи послышался шум, затем раздался треск, доска на боковой стенке ящика отошла в сторону, и темноту внутри пронзил острый, как клинок, луч света.

– Моя придумка, как вытащить вас из кутузки, сработала что надо, – похвалил своего обладателя тот же самый мужской голос, что Джо совсем недавно слышал по радио.

– Странные же у вас придумки, – проговорил Джо.

– Странные для вас. А мне так странным кажется вообще почти всё то, что вы совершили либо, наоборот, не совершили с тех самых пор, как я впервые услышал о вас; а услышал о вас я, признаюсь, уже давненько – более полугода назад.

– Вы имеете в виду, поди, то, что я, к примеру, раздавал кому ни попадя монеты? – поинтересовался Джо.

– Нет, раздача монет как раз, на мой взгляд, вопросов абсолютно не вызывает, а вот ваше сидение сложа руки в течение целых семи месяцев меня, признаюсь, серьёзно удивило. – Сдвинулась ещё одна доска; стало светлее, и Джо заморгал, тщетно пытаясь разглядеть Глиммунга. – Что вам мешало тайком забраться в ближайший музей и разбить там несколько, по возможности наиболее ценных, горшков? Се-

бя бы работой обеспечили, а горшки после вашего лечения стали бы новее нового.

Была удалена последняя боковая доска ящика, и Джо при полном освещении наконец-то увидел то самое существо с Сириуса-Пять, которое Энциклопедия определяла как нечто дряхлое и мрачное.

А существо это сейчас и здесь представляло собой следующее: вокруг горизонтальной оси вращался гигантский обруч воды, внутри его, вокруг вертикальной уже оси, вращался обруч пульсирующего огня, над обручами и позади них располагался колышущийся занавес из кашемировой ткани с миндалевидным узором⁴, а на пересечении осей вращения этих обручей в воздухе висело прелестное, нежное лицо юной темноволосой девушки. Лицо улыбалось Джо, но было оно ничем не примечательным – из тех, какие увидишь и почти сразу позабудешь, из тех, какие частенько попадают на глаза, но совершенно не запоминаются, и было лицо это, очевидно, собирательным образом – ликом не какой-то конкретной девушки, а девушки вообще, лицом, нарисованным разноцветными мелками на тротуаре только-только начавшим обучение и пока совсем ещё безыскусным художни-

⁴ Миндалевидный узор, он же бута, – узор с заострённым загнутым верхним концом. Мотив бута известен у многих народов Востока на обширной территории. Хорошо известен в странах Ближнего Востока и в Европе. Узоры и рисунки с мотивами бута встречаются в рисунках ковров, кялагаи и тканей, в росписях произведений декоративно-прикладного искусства, а также декорировании архитектурных сооружений. (*Прим. пер.*)

КОМ.

Для демонстрации себя Глиммунг явно избрал не особо впечатляющий образ... Но был же ещё и обруч из непрерывно движущейся, струящейся по кругу воды... А также и вращающийся обруч из неистово трепещущего огня. И обручи эти являлись единым, великолепно отлаженным и синхронно работающим механизмом. Были ли они символом глубоких сущностей – основ мироздания? Как знать? Да, действительно, как знать?

Джо был озадачен. Впечатления дряхлости существо перед ним явно не производило, и причиной тому было вовсе не лицо юной девушки в центре обручей, а что-то совсем иное, неуловимое. Вместе с тем Джо понимал, что разговаривает с очень древним созданием, но откуда взялось и это понимание, ему также было неизвестно.

– Я купил этот дом лет семь назад, – прозвучал голос Глиммунга. – Купил его ещё тогда, когда цены на недвижимость на вашей планете не кусались.

Джо, силясь выяснить, откуда исходит голос, огляделся по сторонам. Оказалось, что голос звучит из допотопной Виктролы⁵, на которой стремительно вращается долгоиграющая, чёрная, как смоль, грампластинка.

– Да, вы, наверное, правы, – пробормотал Джо. – Семь лет

⁵ Виктрола – вид стационарного напольного граммофона, обычно размером с крупный платяной шкаф, выпускавшегося в первой половине XX века американской фирмой «Victor Talking Machine Company» – ведущим американским производителем патефонов и грампластинок того времени. (Прим. пер.)

назад было самое время для покупки недвижимости... А вы что же, прямо отсюда и подбираете себе мастеров?

– Да, я здесь работаю, – ответил голос Глиммунга из древнего проигрывателя. – А ещё я работаю во многих других, иных местах, включая даже и самые дальние звёздные системы. А теперь поговорим о вас, Джо Фернрайт. Поговорим о том, что с вами случилось, и о вашем, с позволения сказать, будущем. Для полиции вы просто повернулись и ушли, и остановить вас им что-то помешало, а что именно, они знать не знают (и знать, в общем-то, не желают), так что будем считать, что перед полицией вы до следующего к ним попадания, в общем-то, чисты. Всё бы хорошо, да только вами вовсю интересуется Управление Общественного Спокойствия, из чего следует, что возвращаться домой или, скажем, в мастерскую вам сейчас категорически противопоказано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.